

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Сенькина Наталья Львовна,
аспирант, ФГБОУ ВПО «Московский педагогический
государственный университет»,
ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119435 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: natalidecember@mail.ru

ЗАМЫСЕЛ И КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ПОВЕСТИ О КУПЦЕ»

Аннотация: В статье анализируется своеобразие замысла и композиции древнерусской «Повести о купце». Выявляется соотношение категорий «милосердия» и «славы», их значение в раскрытии авторского замысла. Решается вопрос о значимости для героя профессиональных качеств характера, таких, как расчётливость, практичность. В ходе повествования автор древнерусской повести заостряет противоречия между христианскими взглядами на мир и человека и путями достижения купеческой «славы». Как следует вести свои дела купцу-христианину — в этом состоит назидательный смысл повести. Следует ли поступать согласно голосу разума или следовать велению сердца — эта проблема решается в пользу сердца. Хороший христианин, но неудачливый купец, герой приобретает богатство не путём наживы и расчёта, а как награду за добрые дела. Милость, милосердие окружающих, а не деньги — это то, на что он опирается в своих поступках. Его действия психологически мотивированы. Не расчёт, а чувства движут его действиями. Автор изображает героя, совершающего ошибки, но достойного сочувствия. Сюжет повести разворачивается и за счёт символических и сказочных компонентов. Встречаются отсылки к библейским текстам — притче о добром самаритянине и книге пророка Исаяи. Волшебный помощник, богатство, сватовство на царевне — общие с волшебной сказкой черты повествования. Характер числовой символики частично сказочный, частично религиозно-символический. В то время как купцы стараются дешевле купить и дороже продать, герой получает многократное вознаграждение за добрый поступок. Наряду с поучительным содержанием, раскрывающимся через аллюзии к библейским текстам, которые составляют символический подтекст произведения, повесть приобретает занимательный сюжет.

Ключевые слова: замысел и композиционное своеобразие, художественный образ, символика чисел, купец, милосердие, слава.

Д. С. Лихачёв отметил особое место «купеческих» повестей в ряду древнерусских беллетристических повестей. Исследователь пришёл к выводу, что «особенное значение имели те чудеса, в которых действие разворачивалось в купеческой

среде. Эти чудеса дали постепенно особую жанровую разновидность повествования литературы Древней Руси — повести о купцах» [1, с. 19]. Он перечислил некоторые присущие этим произведениям сюжеты, такие, как кораблекрушения, нападения разбойников, испытание жены на верность и некоторые другие. Отдельно «Повесть о купце» в её связи с народной сказкой рассмотрел М. О. Скрипиль [2, с. 308–325].

«Повесть о купце» появилась на рубеже XVII–XVIII вв. Центральная проблема, решению которой подчинено движение сюжета, — это соотношение купеческой «славы», «чести» и христианского «милосердия», «нищелюбия». Эта тема задана уже при характеристике отца героя повести: «В некоторой стране живяше купец славный и богобоязлив и нищелюбив» [3, с. 370]. «Славный» значит пользующийся славой, широко известный чем-то выдающимся, имеющий репутацию, сочетающуюся с почётом, уважением. Такие слова, как «купец славный», позволяют говорить, что это человек, пользующийся славой в торговом деле, в своей профессиональной сфере. Определения «богобоязлив и нищелюбив» указывают на его личностные качества доброго христианина. Нищелюбие — добродетель, состоящая в оказании помощи нищим, нуждающимся, — далеко не последняя в христианской системе ценностей. По-видимому, данные стороны характера непротиворечиво сочетались в облике этого персонажа. Сын купца наделён этими качествами ещё в большей степени. Автор не изображает, как складывался характер купеческого сына, он лишь указывает на значительное, не по годам развитое разумение отрока в торговле («Отец ево слыша от него такой разум и прииде к жене своей и рече жене: “Госпожа моя! Сей сын наш хочет быть в торгу смыслом лутче меня и хочет жити славнее и богатеe”». Мати же его о том велми радовашеся о разуме сына своего» [3, с. 370]).

Разум, расчёт — неотъемлемое свойство коммерсанта, но в первой же торговой поездке молодой купец проявляет не эти профессиональные качества, а милосердие. Прибывая с родственниками в далёкую страну, герой повести наблюдает, как на торговой площади ростовщик продаёт тело мёртвого христианина, родственники которого не вернули долг. Автор неоднократно подчёркивает, что поступок ростовщика немилостивый: «некий человек немилостивно мертвое тело влачаше», «человече немилостивый» [3, с. 372]. С точки зрения коммерции этот поступок не лишён некоторой парадоксальной логики, потому что может привести к желаемому результату. С этической стороны, безусловно, он достоин осуждения. Следовательно, «заимодавец» следует рассудочным, рациональным путём, не выбирая средств для достижения цели. Неприемлемый в моральном отношении, но рассудочный поступок немилосердного человека противопоставлен сходному по сути спору о доле в приобретённом имуществе между слугой и купцом в конце повести. Слуга предлагает честно с коммерческой точки зрения, но парадоксально с позиции здравого разума и морали разделить совместно приобретённое, разрубив пополам живого человека, невесту купца. Парадокс разрешается тем, что, ударив девушку, слуга тем самым изгоняет из неё демонов. В отличие от «заимодавца», который рад выручить триста рублей за тело мёртвого человека, купец готов отказаться от невесты, лишь бы та осталась жива и здорова.

Юноша, выкупая тело, руководствуется только чувствами, не раздумывая о последствиях. Погребать умерших в убожестве — одно из дел милости, предписываемых к исполнению церковью для обретения вечной жизни. Герой повести избавил умершего человека от поругания и посмеяния на торговой площади, но он сам страшится того же. Он стыдится *огласки* своего поступка, потому что это не принесёт ему, как он считает, уважения, почёта как купцу: «Како я приду и что себе сотворю! Сродники мои меня спрашают, что за товар купил, и станут мне смеятца, тако ж скажут отцу моему, а мне от того будет великой срам, а родителем моим велия печаль» [3, с. 372]. Так он сам оказывается в том же положении, что и человек, по отношению к которому он проявил милость. Пытаясь скрыть своё приобретение, он прибегает к лжи, чтобы ему не досталось срама, т. е. бесславия, бесчестия. Он боится потерять профессиональное, социальное достоинство, уважение со стороны окружающих. В итоге, «купец <...> приехал ко отцу своему с великою славою и честью» [3, с. 379] — герой повести добивается того, чего желал, хотя и не тем путём, каким предполагал.

Делая первые шаги на купеческом поприще (и не раз позднее), юноша взывает к **милости** родителей («Государь мой милостивый батюшка и милостивая матушка, сотворите надо мною свое отеческое милосердие!» [3, с. 370–371]). Милость, милосердие — качество характера не рациональное, а скорее интуитивное, это сфера не ума, а чувств. Вместе с тем милосердие — одна из важнейших христианских добродетелей. Иисус говорил, что «*блаженны милостивые, ибо они помилованы будут*» (Матф. 5: 7). Нет людей безгрешных, и потому все нуждаются в милосердии. Согласно христианским представлениям, на Страшном Суде только эта добродетель — проявление милости к ближнему — будет решающим фактором при определении дальнейшей судьбы человека. Милосердие, проявленное в земной жизни, позволит получить жизнь вечную.

Взывая к московским купцам как к христианам и полагаясь на сочувствие и милосердие с их стороны, герой повести упрашивает знакомых отца помочь ему совершить христианский обряд погребения. В ответ он слышит: «За хлеб, за соль отца твоего не токмо единое мертвое тело клади в корабль, хотя десять» [3, с. 373]. Уже здесь читатель встречает идею воздаяния сторицей за доброе дело. Эта идея последовательно пронизывает повесть в целом, поскольку взамен потраченных трёхсот рублей купец получает треть царства. Эту же идею можно услышать и в речи героя повести: «Господия мои милостивыя, аще вы отца моего знаете, то сотворите такую любовь, дайте мне сто рублей, а когда ко отцу моему приедем, со вторицею имам вам заплатити» [3, с. 373]. Купец обращается сначала к чувствам единоверцев — «Господия мои милостивыя», «сотворите такую любовь», а затем к разуму — «со вторицею имам вам заплатити».

Путь к решению противоречия между сердцем и разумом лежит через прохождение испытания. Юноша уходит из родного дома и приезжает к «великому непроходимому лесу» [3, с. 374]. Образ дремучего леса возникает, возможно, в связи с психологическим желанием укрыться, спрятаться от людских глаз. Причина этого — стыд и вызванная им ложь. Ложь — грех, вероятно, наиболее часто

совершаемый в человеческом обществе. Особенно остро вопрос об обмане ставится по отношению к людям купеческого звания.

Хорошо известна пословица «не обманешь — не продашь». Можно подобрать множество примеров её цитирования в художественной литературе. Например: «В день теперя не отплюешься, Как еще прощает бог: Осквернил уста я ложю, Не обманешь — не продашь! — И опять на церковь божию Долго крестится торгаш» [4, с. 13] — такие строки можно прочесть в поэме Н. А. Некрасова «Коробейники». Весьма нелестное отношение к купцам и их деятельности отражено в рассказе Г. И. Успенского «Новые времена, новые заботы»: «Старомодный купец жил обманом, богатство приходило к нему темными путями, и слова “темный богач” так же справедливы по отношению к старомодному купцу, как поговорка: “не обманешь — не продашь” — справедлива относительно его деятельности» [5, с. 189–190]. В. И. Даль зафиксировал в своём сборнике «Пословицы русского народа» такую пословицу: «Не солгать, так и не продать» [6, с. 432]. Склонность торгового сословия к мошенничеству отмечается ещё в Библии: «Купец едва может избѣжать погрѣшности, а кормчій не спасется отъ грѣха» (Сирах. 26, 28). Эти примеры позволяют прийти к выводу, что ложь — порицаемое, но широко распространённое явление в торговой сфере деятельности, признанная стратегия успеха.

Герой прибегает ко «лжи во спасение» как к способу уйти от ответственности, признания совершённого поступка. Он считает, что своими действиями он наносит вред своей репутации и родителям. Психологи сходятся во мнении, что чувство стыда социально обусловлено, оно выражается в оценке самого себя как недостойного в глазах других людей. Это переживание, связанное с предполагаемым несоответствием ценностям, нормам поведения, принятым в данном коллективе. Несответствие выделяет человека из общества и отделяет от него. С каждой следующей попыткой скрыть правду, т. е. солгать (желание спрятаться), купец всё более отдаляется и отделяет себя от родственников, друзей и знакомых и, наконец, от родителей, оказывается в полном одиночестве, которое напоминает изгнание из рая. Вместо достатка и безбедного существования в доме отца перед ним неопределённость и одиночество.

Стыд, страх и желание скрыться — это первые чувства, которые приобрели Адам и Ева после грехопадения. В этом случае стыд был вызван осознанием греха, неповиновения воле Творца (прародители нарушили единственную заповедь: не есть от древа познания добра и зла). Они верно оценили свой поступок, и последующее наказание справедливо. Купец расценивает свои действия как позорные и достойные осуждения исходя из картины мира коммерсанта, а не общечеловеческой. Коммерческий мир составляет только часть общечеловеческого мира, поэтому мнение купца страдает узостью и односторонностью. В глобальном масштабе такой образ действий следует оценить совершенно иначе. Купец как раз поступает согласно высшей воле, исполняя библейскую заповедь, а библейские заповеди не могут и не должны быть расценены с позиций коммерсанта. Они выше, важнее и значительнее законов торгового успеха. Герой совершает ошибку, судя о вечном и вневременном с позиций сиюминутного и суетного. Возможно, если бы он имел возможность про-

должить свою деятельность, то пришёл бы к тому состоянию, которое возмутило его в образе «заимодавца». Если тот способен оценивать свои действия только с позиций материального благополучия (выгодная/невыгодная сделка по меркам коммерции), то молодой купец хотя и способен сейчас оценить поступок с моральной стороны, но уже сделал первый шаг на пути, который прошёл ростовщик.

В лесу юноша встречает страшного человека с железными клещами. Позднее молодой купец узнаёт, что встретил ангела. Упоминание об ангеле с железными клещами можно встретить в книге пророка Исаяи. Исаяя удостоен видения, во время которого он узнаёт, что его призвание — быть пророком. Он страшится своего предназначения, потому что «о, окаянный азъ, яко умилихся, яко человекъ сый и нечисты устнѣ имый, посредѣ людий нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу: и Царя Господа Саваоѳа видѣхъ очима мойма. (Ис. 6: 5)». Тогда один из ангелов касается клещами с углём с алтаря уст Исаяи и очищает их от нечистоты «сѣ, прикоснѹся сѣе устнамъ твоимъ, и отиметь беззаконія твоя и грѣхи твоя очистить. (Ис. 6: 6–7)». После этого пророк готов исполнять свою миссию.

Герой древнерусской повести страдает тем же пороком, что и люди, жившие во времена Исаяи. Грех купца — это ложь, поэтому он и встречает, вероятно, этого ангела. Ангел ставит условием своей службы послушание купца: «Готов тебе служить, токмо сотворим мы с тобою обет, чтоб тебе меня во всем слушатца. А ежели слушатца не будешь, то не иду к тебе во служение» [3, с. 374]. Слуга с железными клещами во всём оберегает купца, помогает ему приобрести царство, богатство и невесту — земные, материальные блага. Этот персонаж наделяется чертами волшебного помощника. В отличие от библейского прототипа, он использует клещи не как орудие ритуала очищения, а в их земной функции — как холодное оружие для расправы с разбойниками и в борьбе со змеем. Этому способствует и конкретика, материальные детали, с помощью которых автор повести описывает применение волшебного орудия. Вот как слуга уничтожает разбойников: «он же их клещами хваташе по единому за голову и примаше их за шею и дави их в руду» [3, с. 375]. А так изображено единоборство со змеем: «Слуга же вста с постели и, взя клещи, ста у кровати. И, виде изходяща из уст ея змия велика, взя клещами за шею и удави его и, раздробя в мелкия части, спрята» [3, с. 378]. Даже в случае со змеем, существом нереального мира, сцена описана так, что читатель представляет его как существо, обладающее материальным телом. Образ слуги, не теряя связи с символическим первоисточником, приобретает земные черты. Это добавляет повествованию динамики, красочности. Поэтому можно предположить, что повесть представляла интерес и для образованного человека, знакомого с образом библейского ангела, и для человека, не читавшего книги пророка Исаяи.

Как только перед купцом встаёт необходимость действовать, волшебный слуга уже знает, что ему надлежит делать. Тот или иной выбор он не объясняет, но требует беспрекословного исполнения своих слов. Купец обязан следовать велениям, потому как связан с ангелом словом, обетом, о необходимости выполнения которого слуга ему постоянно напоминает, почти дословно много раз повторяя слова: «“Да ты хотел, господине мой, во всем меня слушетца, а ныне меня преслушаеш!”

Он же не преступи слова своего» [3, с. 375]. Купец часто неохотно, но держит своё слово. Ничто не ускользает от всеведущего слуги. Даже договор между царём и купеческим сыном о сватовстве заранее известен ему. Условием этого договора было обязательное сохранение его в тайне, а за разглашение грозила смерть. Однако, как только герой возвращается от царя, слуга сам пересказывает купцу содержание его беседы с царём. Слуга помогает юноше выполнить условие договора и тем самым сдержать слово, данное царю.

Слуга постепенно приучает молодого купца держать слово. В отличие от библейского ангела, который снимает нечистоту с уст пророка одним касанием, ангел в древнерусской повести долго преодолевает сопротивление своего подопечного. Следуя обету послушания, юноша тем самым, выполняя предписания ангела, приближается к достижению награды. В конце повести ангел открыто говорит юноше, кто он такой и зачем помогает ему. Купец вознаграждён и за добрый поступок в начале повести, и за своё поведение в дальнейшем.

Значительную роль в развёртывании событий сюжета, понимании замысла повести играет символика чисел. Троичная символика появляется не единожды. Юноша просит у отца «триста рублей», плывёт на корабле «три года и три месяца», дорогой через лес не пользуются 30 лет, трижды герой не повинуется своему волшебному слуге, триста подвод с драгоценностями приобретает юноша на разбойничьем дворе. Происхождение числовой символики частично сказочное, частично религиозно-символическое. К троичности автор прибегает, описывая пространство и время. Троичность, а также числовая симметрия помогают раскрыть влияние христианских представлений о мире на человеческую судьбу в повести. Купец видит сцену необычного торга трижды, прежде чем решается выкупить тело за триста рублей: «Потом же виде во второй и третий сего человека, паки то тело влачаше» [3, с. 372]. Юноша приобретает сходство с самаритянином из библейской притчи. Согласно библейскому повествованию, самаритянин приходит на помощь пострадавшему от разбойников в третью очередь, после того как священник и левит не обращают внимания на нуждающегося в помощи. Герой повести, в третий раз видя бездействие или равнодушие окружающих, выкупает тело. Купец, как и самаритянин, не связан родством с человеком, оказавшимся в беде. Это сходство ситуаций и образа действий наводит на мысль о том, что, используя библейскую притчу, автор даёт читателю возможность предположить, что купец приобретёт награду за свой поступок.

Трижды купец обманывает знакомых и родных. Непорядочно поступает герой повести с родственниками, которые помогли ему добраться до заморской страны. Не известив о своём уходе и его причинах, молодой купец объявляет родственников виноватыми в своих выдуманных злоключениях. Он обманывает московских купцов, которые соглашались отвезти его на родину. Стыдясь сказать правду о необычном «торге», купец выдумывает историю о кораблекрушении и смерти дяди. Обманывает он и отца, обещая товар необычайной ценности, а вместо того уходит из дома. Трижды поступив недостойно с людьми, желающими юноше добра, он утяжеляет этот грех.

Выкупив мёртвое тело за триста рублей, в итоге, купец получает треть царства, триста подвод с драгоценностями и невесту. Воздаяние за добродетельный поступок, пропорционально сделанному купцом. В разговоре с отцом сын так объясняет причину долгого отсутствия: «Аз <...> купив товару на четыреста рублей, который стоит десяти тысяч. У дядев своих стал просить, они же мне не даша, зна де, что товар дешев купил. И оставиша меня в том царстве, а сами уехаша» [3, с. 373]. Купец оглашает закон, следование которому в купеческом мире позволяет достичь богатства и славы. Необходимо дешево купить товар, чтобы дорого продать. Сам же купец поступает прямо противоположным образом, но в результате всё ведёт к счастливому концу.

Изменён масштаб событий: самаритянин, согласно библейской логике, за милосердие к незнакомому человеку достоин вечной жизни, а триста рублей, уплаченных купцом за тело должника, возрастают до размеров трети царства.

Автор приводит читателя к мысли о том, что милосердие выше расчёта и, руководствуясь только рассудком, невозможно найти счастье ни в этом мире, ни в ином.

Эту мысль автор раскрывает через систему образов: главного героя — молодого купца, его родителей, товарищей по купеческому делу, волшебного слуги, разбойников, царя и его дочери. Изначально юноша наделён и добрым сердцем, и здравым смыслом в равной мере. Однако перед почти inferнальной картиной продажи человеческого тела в счёт неуплаченных долгов его разум говорит одно, а сердце — другое. Купец поступает так, как ему подсказывает сердце. За проявленное милосердие юноша вознаграждён, и после испытаний приобретает то, к чему так стремился, — богатство, славу и почёт.

Сюжет повести во многом близок сюжету волшебной сказки. Волшебный помощник, сказочная символика чисел, а также материальное, земное благополучие, приобретаемое юношей необычным способом, — черты, характерные для сказочного повествования. Это приводит к тому, что, наряду с поучительным содержанием, раскрывающимся через аллюзии к библейским текстам, которые составляют символический подтекст произведения, повесть приобретает занимательный сюжет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Лихачёв Д. С.* Семнадцатый век в русской литературе // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 3–19.
- 2 *Скрипиль М. О.* Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII – начала XVIII в. («Повесть о купце, купившем мертвое тело») // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Т. VIII. С. 308–325.
- 3 Русская бытовая повесть XV–XVII вв. / сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Ужанкова. М.: Сов. Россия, 1991. 443 с.
- 4 *Некрасов Н. А.* Избранное: в 2 т. М.: Эксмо, 2007. Т. 2. 608 с.
- 5 *Успенский Г. И.* Избранные произведения. М.: Худож. лит., 1990. 462 с.
- 6 Пословицы русского народа: сб. В. Даля: в 3 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. 704 с.

* * *

Senkina Natalya Lvovna,

Post-graduate student,

FSBE HPI «Moscow State Pedagogical University»,

Malaya Pirogovskaya str. 1, bldg 1, 119435, Moscow, Russian Federation

E-mail: natalidecember@mail.ru

**THE ORIGINALITY OF IDEA AND COMPOSITION
OF OLD RUSSIAN «POVEST' O KUPTSE»
(«THE TALE OF THE MERCHANT»)**

Abstract: The article analyzes the originality of idea and composition of Old Russian «Povest' o kuptse». The value for categories of «mercy» and «glory», their importance in revealing the author's intention is determined. The issue of relevance of the professional qualities of the character, such as thrift, practicality. The connection of symbolic and fairytale components in the plot of the story is studied. In the course of the story the Russian author sharpens the contradictions between the Christian view of the world and that of a man, and ways to achieve the merchant 'glory'. The sense in this edifying story is how a merchant-Christian should conduct his business. Whether he should act according to reason or follow the dictates of the heart — this problem is solved in favor of the heart. A good Christian, but an unfortunate merchant, the character acquires wealth not by greed and calculation, and as a reward for good deeds. Grace, mercy of others, but not money — it's what he based his actions on. His actions are psychologically motivated. His actions are driven by feelings, and not by calculation. The author portrays the hero who is making mistakes, but he is worth sympathizing with. The plot of the story involves symbolic and mythical components. There are references to biblical texts — the parable of the Good Samaritan and the Book of Isaiah. A magic assistant, wealth, courting a princess, those are the common features with the fairy tale narrative. The character of number symbolism is partly fabulous, partly religious and symbolic. While merchants are trying to buy something cheaper and sell it more expensive, the character gets multiple reward for a good deed. Alongside with the instructive content, which is revealed with the help of allusions to biblical texts and makes up the symbolic implication of the work, the story has got an entertaining plot.

Keywords: the idea and compositional originality, artistic image, the symbolism of numbers, the merchant, mercy, glory.

REFERENCES

- 1 Likhachev D. S. Semnadsatyi vek v russkoi literature [Seventeenth century Russian literature]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. XVII vek* [Monuments of Old Russian literature. XVII century]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1988, book 1, pp. 3–19.
- 2 Skripil' M. O. Narodnaia russkaia skazka v literaturnoi obrabotke kontsa XVII – nachala XVIII v. («Povest' o kuptse, kupivshem mertvoe telo») [Russian Folk Tale in literary adaptation of the end of XVII – beginning of XVIII century. («The Tale of the Merchant, who bought a dead body»)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (TODRL)* [Works of

- Old Russian Literature Department]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1951, vol. VIII, pp. 308–325.
- 3 *Russkaia bytovaia povest' XV–XVII vv.* [Russian domestic novel of XV–XVII centuries], sost., vstup. st. i komment. A. N. Uzhankova. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1991. 443 p.
 - 4 Nekrasov N. A. *Izbrannoe: v 2 t.* [Selected works in 2 volumes] Moscow, Eksmo Publ., 2007. Vol. 2. 608 p.
 - 5 Uspenskii G. I. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1990. 462 p.
 - 6 *Poslovitsy russkogo naroda: sb. V. Dalia: v 3 t.* [Proverbs of Russian people, collected by V. Dahl] Moscow, Russkaia kniga Publ., 1993. Vol. 2. 704 p.